

* * *

Написано К. Марксом в апреле — августе 1844 г.

Впервые опубликовано ИМЭЛС на русском языке в 1927 г.

(частично) и на языке оригинала в 1932 г. (полностью)

Печатается по рукописи ⁽¹⁾

Перевод с немецкого

Предисловие

В «Deutsch-Französische Jahrbücher» я обещал дать критику науки о праве и государстве в виде критики *гегелевской** философии права ⁽²⁾. При обработке материалов для печати оказалось, что сочетание критики, направленной только против спекулятивного мышления, с критикой различных предметов самих по себе совершенно нецелесообразно, что оно стесняет ход изложения и затрудняет понимание. Кроме того, обилие и разнородность подлежащих рассмотрению предметов позволили бы втиснуть весь этот материал в *одно* сочинение только при условии совершенно афористического изложения, а такое афористическое изложение, в свою очередь, создавало бы *видимость* произвольного систематизирования. Вот почему критику права, морали, политики и т.д. я дам в ряде отдельных, следующих друг за другом самостоятельных брошюр, а в заключение попытаюсь осветить в особой работе внутреннюю связь целого, взаимоотношение отдельных частей и, наконец, подвергну критике спекулятивную обработку всего этого материала. По этим соображениям в пред-

* В книге сохранен курсив автора.

лагаемой работе связь политической экономии с государством, правом, моралью, гражданской жизнью и т.д. затрагивается лишь постольку, поскольку этих предметов *ex professo** касается сама политическая экономия.

Читателя, знакомого с политической экономией, мне незачем заверять в том, что к своим выводам я пришёл путём вполне эмпирического анализа, основанного на добросовестном критическом изучении политической экономии.

<Невежественному же рецензенту, который, чтобы скрыть своё полное невежество и скудоумие, оглушает положительного критика такими выражениями, как «*утопическая фраза*», или ещё такими, как «совершенно чистая, совершенно решительная, совершенно критическая критика», или «не только правовое, но общественное, вполне общественное общество», или «компактная массовая масса», или «ораторствующие ораторы массовой массы»⁽³⁾, — этому рецензенту надлежит ещё сперва представить доказательство того, что помимо своих теологических семейных дел он вправе претендовать на участие в обсуждении также и *мирских* дел.>**

Само собой разумеется, что кроме французских и английских социалистов я пользовался трудами также и немецких социалистов. Однако содержательные и *оригинальные* немецкие труды в области этой науки сводятся, — не считая сочинений Вейтлинга, — к статьям *Гесса*, помещённым в сборнике «Двадцать один лист»⁽⁴⁾, и к «*Наброскам к критике политической экономии*» *Энгельса*⁽⁵⁾, напечатанным в «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», где я, в свою очередь, в самой

* — специально. *Ред.*

** Абзацы, заключённые в угловые скобки, в рукописи переречёркнуты. *Ред.*

общей форме наметил первые элементы предлагаемой работы.

<Кроме этих писателей, критически занимавшихся политической экономией, положительная критика вообще, а следовательно, и немецкая положительная критика политической экономии, своим подлинным обоснованием обязана открытиям *Фейербаха*. Тем не менее против его «*Философии будущего*»⁽⁶⁾ и напечатанных в «*Anekdotia*» «Тезисов к реформе философии»⁽⁷⁾ — несмотря на то, что эти работы широко используются, — был, можно сказать, составлен настоящий заговор *молчания*, порождённый мелочной завистью одних и подлинным гневом других.>

Только от *Фейербаха* ведёт своё начало *положительная* гуманистическая и натуралистическая критика. Чем меньше шума он поднимает, тем вернее, глубже, шире и прочнее влияние его сочинений; после «*Феноменологии*» и «*Логики*» Гегеля это — единственные сочинения, которые содержат подлинную теоретическую революцию.

Заключительная глава предлагаемого сочинения — критический разбор *гегелевской диалектики* и гегелевской философии вообще — представлялась мне совершенно необходимой в противовес *критическим теологам*⁽⁸⁾ нашего времени потому, что подобная работа до сих пор ещё не проделана. *Неосновательность* — их неизбежный удел: ведь даже *критический* теолог остаётся *теологом*, т.е. либо он вынужден исходить из определённых предпосылок философии как какого-то непререкаемого авторитета, либо, если в процессе критики и благодаря чужим открытиям в нём зародились сомнения в правильности этих философских предпосылок, он трусливо и неоправданно

их покидает, от них *абстрагируется*, причём его раболепие перед этими предпосылками и его досада на это раболепие проявляются теперь только в отрицательной, бессознательной и софистической форме.

<В связи с этим он либо беспрестанно повторяет уверения в *чистоте* своей собственной критики, либо, чтобы отвлечь внимание читателя и своё собственное внимание от *необходимости* решительного объяснения *критики* с её материнским лоном — гегелевской *диалектикой* и немецкой философией вообще, — от необходимости преодоления современной критикой её собственной ограниченности и стихийности, он пытается создать, наоборот, такое впечатление, будто критике приходится иметь дело лишь с некоей ограниченной формой критики вне её — с критикой, остающейся, скажем, на уровне XVIII века, — и с ограниченностью *массы*. И, наконец, когда делаются открытия относительно сущности его собственных философских предпосылок — такие, как открытия *Фейербаха*, — то критический теолог создаёт видимость, будто сделал эти открытия не кто другой, как он сам. Он создаёт эту видимость следующим образом: не будучи в состоянии разработать результаты этих открытий, он, с одной стороны, швыряет эти результаты в виде *готовых лозунгов* в лоб ещё находящимся в плену у философии писателям; с другой стороны, он убеждает себя в том, что по своему уровню он даже возвышается над этими открытиями, с таинственным видом, исподтишка, коварно и скептически оперируя против *фейербаховской критики* гегелевской *диалектики* теми элементами этой диалектики, которых он ещё не находит в этой критике и которые ему ещё не преподносятся для использования в критически переработанном виде. Сам он не пытается и не в состоянии

привести эти элементы в надлежащую связь с критикой, а просто оперирует ими в той форме, которая *свойственна* гегелевской диалектике. Так, например, он выдвигает категорию опосредствующего доказательства против категории положительной истины, начинающей с самой себя. Ведь теологический критик находит вполне естественным, чтобы философы сами *сделали* всё нужное, дабы он мог *болтать* о чистоте и решительности критики, о вполне критической критике, и он мнит себя истинным героем, *преодолевшим философию*, когда он, например, *ощущает*, что тот или иной момент Гегеля отсутствует у Фейербаха, — ибо за пределы ощущения к сознанию теологический критик так и не переходит, несмотря на всё своё спиритуалистическое идолослужение «самосознанию» и «духу».>

Теологическая критика, которая в начале движения была действительно прогрессивным моментом, при ближайшем рассмотрении оказывается в конечном счёте не чем иным, как выродившимся в *теологическую карикатуру* завершением и следствием старой *философской* и в особенности *гегелевской трансцендентности*. В другом месте я подробно покажу эту историческую Немезиду, этот небезынтересный суд истории, которая предназначает теперь теологию, искони являвшуюся гнилым участком философии, к тому, чтобы на себе самой продемонстрировать отрицательный распад философии, т.е. процесс её гнилостного разложения⁽⁹⁾.

<А в какой мере, напротив, *фейербаховские* открытия относительно сущности философии всё ещё — по крайней мере для того чтобы *доказать* их — делали необходимым критическое размежевание с философской диалектикой, читатель увидит из самого моего изложения.>

Заработная плата

Заработная плата определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает непременно капиталист. Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста. Объединение капиталистов обычно и эффективно, объединение рабочих запрещено и влечёт за собой для них плохие последствия. Кроме того, земельный собственник и денежный капиталист могут присовокупить к своим доходам ещё предпринимательскую прибыль, рабочий же к своему промысловому заработку не может присовокупить ни земельной ренты, ни процентов на капитал. Вот почему так сильна конкуренция среди рабочих. Итак, только для рабочего разъединение между капиталом, земельной собственностью и трудом является неизбежным, существенным и пагубным разъединением. Капитал и земельная собственность могут не оставаться в пределах этой абстракции, труд же рабочего не может выйти за эти пределы.

Итак, для рабочего разъединение между капиталом, земельной рентой и трудом смертельно.

Самой низкой и единственно необходимой нормой заработной платы является стоимость существования рабочего во время работы и сверх этого столько, чтобы он мог прокормить семью и чтобы рабочая раса не

вымерла. По Смиту, обычная заработная плата есть самый низкий минимум, совместимый с «простой человечностью» ⁽¹⁰⁾, т.е. с животным уровнем существования.

Спрос на людей неизбежно регулирует производство людей, как и любого другого товара. Если предложение значительно превышает спрос, то часть рабочих опускается до нищенского уровня или до голодной смерти. Таким образом, существование рабочего сводится к условиям существования любого другого товара. Рабочий стал товаром, и счастье для него, если ему удаётся найти покупателя. Спрос же, от которого зависит жизнь рабочего, зависит от прихоти богачей и капиталистов. Если предложение количественно превышает спрос, то одна из составных частей цены (прибыль, земельная рента, заработная плата) выплачивается ниже *цены*; в результате этого соответствующий фактор ценообразования уклоняется от такого применения, и таким путём рыночная цена тяготеет к естественной цене как к некоторому центру. Но, во-первых, рабочему, при значительном разделении труда, труднее всего дать другое направление своему труду, а во-вторых, при подчинённом положении рабочего по отношению к капиталисту, ущерб терпит в первую очередь рабочий.

Итак, при тяготении рыночной цены к естественной цене больше всего и безусловно теряет рабочий. И именно способность капиталиста давать своему капиталу другое направление либо лишает куска хлеба рабочего, ограниченного рамками определённой отрасли труда, либо вынуждает его подчиниться всем требованиям данного капиталиста.

Случайные и внезапные колебания рыночной цены отражаются на земельной ренте меньше, чем

на той части цены, которая распадается на прибыль и заработную плату; но и на прибыли они отражаются меньше, чем на заработной плате. В большинстве случаев бывает так, что при повышении заработной платы в каком-нибудь одном месте, в другом она остаётся прежней, а в третьем падает.

При выигрыше капиталиста рабочий не обязательно выигрывает, при убытке же капиталиста рабочий обязательно вместе с ним теряет. Так, например, рабочий ничего не выигрывает в тех случаях, когда капиталист — благодаря фабричной или торговой тайне, благодаря монополии или благодаря благоприятному местоположению своего земельного участка — держит рыночную цену выше естественной цены.

Далее: *цены на труд гораздо устойчивее, чем цены на средства к жизни.* Зачастую те и другие находятся в обратном отношении друг к другу. В год дороговизны заработная плата падает вследствие сокращения спроса на труд и повышается вследствие роста цен на средства к жизни. Таким образом, одно уравновешивает другое. Но, во всяком случае, некоторая часть рабочих лишается куска хлеба. В годы дешевизны заработная плата повышается вследствие повышения спроса на труд и падает вследствие падения цен на средства к жизни. Таким образом, одно уравновешивается другим.

Другая невыгодная сторона для рабочего.

Разница в ценах на труд рабочих разных профессий гораздо больше, чем разница в прибылях в разных отраслях приложения капитала. В труде обнаруживается всё природное, духовное и социальное различие индивидуальной деятельности, и поэтому труд вознаграждается различно, тогда как мёртвый капитал всегда шествует одной и той же поступью и равнодушен

к *действительным* особенностям индивидуальной деятельности.

Вообще следует заметить, что там, где рабочий и капиталист одинаково терпят ущерб, у рабочего страдает самое его существование, у капиталиста же — лишь барыши его мёртвой мамоны.

Рабочему приходится бороться не только за физические средства к жизни, но и за получение работы, т.е. за возможность осуществления своей деятельности, за средства к этому осуществлению своей деятельности.

Возьмём три основных состояния, в которых может находиться общество, и рассмотрим в них положение рабочего.

1) Если богатство общества приходит в упадок, то больше всех страдает рабочий. Ибо, хотя в счастливом состоянии общества рабочий класс не может выиграть столько, сколько выигрывает класс собственников, *«ни один класс не страдает так жестоко, как класс рабочих, от упадка общественного благосостояния»*⁽¹¹⁾.

2) Теперь возьмём такое общество, в котором богатство прогрессирует. Это — единственное состояние, благоприятное для рабочего. Здесь среди капиталистов начинается конкуренция. Спрос на рабочих превышает их предложение.

Но, *во-первых*: повышение заработной платы приводит к тому, что рабочие *надрываются за работой*. Чем больше они хотят заработать, тем большим временем вынуждены они жертвовать и, совершенно отказываясь от какой бы то ни было свободы, рабски трудиться на службе у алчности. Тем самым они сокращают продолжительность своей жизни. Это сокращение продолжительности жизни рабочих является благоприятным обстоятельством для рабочего класса

в целом, так как благодаря ему непрестанно возникает новый спрос на труд. Этот класс всегда вынужден жертвовать некоторой частью самого себя, чтобы не погибнуть целиком.

Далее: когда общество находится в процессе прогрессирующего обогащения? При росте капиталов и доходов в стране. Но:

а) Это возможно лишь благодаря накоплению большого количества труда, ибо капитал есть накопленный труд; следовательно, это возможно лишь благодаря тому, что у рабочего отнимается всё больше и больше продуктов его труда, что его собственный труд всё в большей и большей степени противостоит ему как чужая собственность, а средства его существования и его деятельности всё в большей и большей степени концентрируются в руках капиталиста.

б) Накопление капитала усиливает разделение труда, а разделение труда увеличивает количество рабочих; и наоборот — увеличение количества рабочих усиливает разделение труда, так же как разделение труда увеличивает накопление капиталов. По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов — с другой, рабочий всё в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определённой, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает всё в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей. Вместе с тем в результате количественного увеличения класса людей, живущих только работой, усиливается конкурен-

ция среди рабочих, и следовательно, снижается их цена. В фабричной системе это положение рабочего достигает своей высшей точки.

γ) В обществе, благосостояние которого возрастает, только наиболее богатейшие могут жить на проценты со своих денег. Все прочие вынуждены с помощью своего капитала заниматься каким-нибудь промыслом или вкладывать свой капитал в торговлю. Благодаря этому растёт конкуренция между капиталами, концентрация капиталов возрастает, крупные капиталисты разоряют мелких, и некоторая часть бывших капиталистов переходит в класс рабочих, который вследствие такого прироста частично опять претерпевает снижение заработной платы и попадает в ещё большую зависимость от немногих крупных капиталистов. С уменьшением количества капиталистов их конкуренция в погоне за рабочими сходит почти на нет; что же касается рабочих, то по мере роста количества рабочих конкуренция между ними становится всё сильнее, противоестественнее и принудительнее. В силу этого часть рабочей массы опускается до нищенства или до состояния погибающих от голода так же неизбежно, как неизбежно часть средних капиталистов опускается до положения рабочих.

Итак, даже при наиболее благоприятном для рабочего состоянии общества для рабочего неизбежны надрыв в процессе работы и ранняя смерть, принижение рабочего до роли машины, до роли раба капитала, накопление которого противостоит ему как нечто для него опасное, новая конкуренция, голодная смерть или нищенство части рабочих.

Повышение заработной платы порождает в рабочем капиталистическую жажду обогащения, но утолить эту жажду он может лишь путём принесения

в жертву своего духа и тела. Повышение заработной платы имеет предпосылкой и следствием накопление капитала; поэтому в результате повышения заработной платы продукт труда противостоит рабочему как нечто всё более и более чуждое. Точно так же и разделение труда делает рабочего всё более и более односторонним и зависимым; оно же порождает конкуренцию не только людей, но и машин. Так как рабочий опустился до роли машины, то машина может выступить против него в качестве конкурента. И, наконец, подобно тому как накопление капитала увеличивает количество труда, а следовательно, и рабочих, так благодаря этому накоплению одно и то же количество труда производит *большее количество продукта*; получается перепроизводство, и дело кончается либо тем, что значительная часть рабочих лишается работы, либо тем, что их заработная плата падает до самого жалкого минимума.

Таковы последствия состояния общества, наиболее благоприятного для рабочего, — состояния, при котором богатство *растёт, прогрессирует*.

Но в конце концов это состояние роста должно когда-нибудь достигнуть своей высшей точки. Каково же тогда будет положение рабочего?

3) «В стране, которая достигла бы последней возможной для неё степени богатства, и то и другое — и заработная плата, и процент на капитал — были бы очень низки. Конкуренция между рабочими в погоне за работой была бы столь велика, что заработная плата свелась бы к тому, чего достаточно для содержания данного количества рабочих, а так как страна к этому времени была бы уже достаточно заселена, то это количество не могло бы увеличиваться»⁽¹²⁾.

Что сверх этого количества, было бы обречено на умирание.

Итак, при движении общества по наклонной плоскости вниз — прогрессирующая нищета рабочего; при прогрессе общественного благосостояния — особый, сложный вид нищеты; в обществе, достигшем наибольшего благосостояния, — стационарная нищета.

Но так как, по Смиуту, общество не бывает счастливо там, где большинство страдает, — а между тем даже наиболее богатое состояние общества ведёт к такому страданию большинства, — и так как политическая экономия (вообще общество, в котором господствует частный интерес) ведёт к этому наиболее богатому состоянию, то выходит, что целью политической экономии является *несчастье* общества.

Относительно взаимоотношения между рабочим и капиталистом следует ещё заметить, что повышение заработной платы более чем компенсируется для капиталиста сокращением общего количества рабочего времени и что повышение заработной платы и увеличение процента на капитал влияют на цену товаров: первое — как простой процент, второе — как сложный процент.

Теперь станем целиком на точку зрения политико-эконома и сопоставим, следуя ему, теоретические и практические притязания рабочих.

Политико-эконом говорит нам, что первоначально и в соответствии с теорией *весь продукт* труда принадлежит рабочему. Но одновременно с этим он говорит, что в действительности рабочему достаётся самая малая доля продукта — то, без чего абсолютно нельзя обойтись: лишь столько, сколько необходимо, чтобы он существовал — не как человек, а как рабо-